

«НАД ДРАКОЙ»

ответ и комментарии к статье А.В. Журавеля «ПОСЛЕ ДРАКИ»,
опубликованной в номере Известий ТСХА (4, 2012), посвященном
125-летию Н.И. Вавилова

Э.В. Трускинов

Статья А.В. Журавеля заметно выделяется из общего сборника статей, посвященных 125-летию юбилею Н.И. Вавилова, как своим названием, так и содержанием. Позиционируя себя с одной стороны историком науки, а с другой «заинтересованным дилетантом», он решил, судя по всему, сказать нечто новое в оценке того исторического противостояния которое имело место, да и, выходит, продолжается поныне между вавиловцами и лысенковцами, между дарвинистами и ламаркистами, между классической генетикой и лысенковской агробиологией. В стремлении как-то объединить, примирить их, осознании «нового синтеза», который необходим для «создания теории нового поколения» он готов отрешиться от догм и заблуждений альтернативных направлений в биологии и встать как бы над этой «дракой» ученых третейским судьей. Однако ознакомление с текстом данной статьи не дает, увы, никакого основания считать, что с этой задачей автор справился. Мало того, похоже, что он еще более усугубил и запутал противоречивый узел нестыковок между альтернативными подходами к науке как в методологическом, так и этическом отношении. Впрочем, думается, это не по силам не только ему, но и специалистам профессионально более высокого и глубокого уровня. Нельзя совместить несовместимое, и если в научном плане еще какая-то дискуссия о наследовании «благоприобретенных» признаков возможна, то в морально-этическом аспекте осуждение лысенковщины как научно невежественной методологии и административно порочной системы управления наукой осуждена самой историей. И это ли не знать автору статьи, который, тем не менее, считает, что последнее и решающее слово здесь еще не сказано. Однако по тем антивавилонским и пролысенковским печатным и устным выступлениям, которые имеют место сейчас, виден скорее политический, нежели научный их подтекст. Такое сейчас время. На фоне моральной реабилитации сталинизма, вновь осуждаются его жертвы и превозносятся его ставленники. Это, в общем-то, готов признать и А.В. Журавель, сам не избежавший такого поветрия.

На данную тему написано и «скрещено перьев» немало, мне же в этой статье хотелось бы отреагировать на те места статьи А.В. Журавеля, которые касаются и направлены непосредственно против меня и моей критики работ В.И. Пыженкова. Данный автор выступил с несколькими самиздатными брошюрами, в которых позволил себе усомниться не только в ценности некоторых научных идей и итогов деятельности Н.И. Вавилова, но и в идеализированной, по его мнению, оценке его личных черт характера. При этом, будучи не особенно разборчивым в выборе средств и доказательств. Когда такого рода реакция исходит от лиц не причастных к науке, мало что в ней сведущих, это скверно, но, когда с подобной аргументацией выступает ученый, профессор, это уже становится нетерпимым и требует надлежащего ответа. Именно это и было сделано мной в брошюре «Тени прошлого и настоящего: современные попытки дискредитации научного и гражданского наследия Н.И. Вавилова» (С-Петербург, 2007). В ней наряду с критическим разбором ряда беспардонных антивавилонских публикаций в ненаучной литературе пришлось уделить определенное место и «научным» взглядам Пыженкова. Согласно А.В. Журавелю я своей язвительностью и желчностью существенно превзошел Пыженкова, даже в сталинистской «упаковке» его работ и моя рецензия имеет меньшее отношение к науке, чем его политизированные статьи. Готов признаться, что как раз политизированный вариант сборника статей Пыженкова, изданный книгой в 2009 г., я не читал, однако то, что было изложено в его брошюрах,

достойно еще большего сарказма, но для этого надо быть не меньше, чем Салтыковым – Щедриным. Если в книге были изъяты все те литературные приколы, которыми были начинены оригинальные его сочинения, то она только от этого выиграла. Что касается идеологического ее наполнения, то это было неизбежным, зная, кто ее редактировал (редактор и комментатор отнюдь не бызымянный, а довольно известный в научных кругах).

В своей брошюре я писал, что «Профессору В.И. Пыженкову, если он так озабочен вопросами научных приоритетов, следовало бы написать по-настоящему серьезную, достаточно развернутую и научно аргументированную статью в один из специальных научных журналов и там, среди специалистов по истории естествознания, а не среди своих не столь осведомленных и просвещенных знакомых, находить должный отклик, поддержку или квалифицированно обоснованную критику. Думается, что в таком виде, как сейчас, она вряд ли была бы принята. Для этого ее надо очистить от всякого милого, видимо, сердцу автора литературного мусора и сугубо субъективных, а порой и вовсе неприличных личностных оценок, в частности того же Вавилова и его соратников». То, что изданная книга его антивавиловских опусов по признанию самого В.А. Журавеля получила к тому же еще определенный политический окрас, неудивительно. Другое дело хотел ли этого сам В.И. Пыженков или за него это решил кто-то иной. Суть книги от этого не меняется. Что касается моей отповеди на его брошюры, то она действительно имеет к науке весьма косвенное отношение, как и те антивавиловские и антивировский взгляды и заключения, которые в них содержались. Да, в ней немало публицистики, но и считать ее «образчиком чисто идеологической продукции», да еще «советской по форме», я бы не стал. Тут А.В. Журавель принимает меня явно не за того правоверного, «густопсового» вавиловца или лысенковца, которые готовы лезть в драку за своих кумиров, реальных или вымышленных. В антивавиловских выступлениях кого бы то ни было, меня затрагивает как человека отнюдь не идеология или политика, а, прежде всего их моральная и научная неправда. А поскольку в честь Н.И. Вавилова, после его реабилитации написано и сказано немало, а за честь великого ученого выступало не так уж много, то, думаю, мое в этом участие вполне оправдано и не совсем бессмысленно. Порой и великое нуждается в защите. Отвечать геростратам от науки и культуры надо, отвечать публично, а не в узком корпоративном кругу, когда тебя мало кто слышит. Конечно, при этом желательно придерживаться в доводах и фактах норм как логики, так и этики. Это особенно важно в научных спорах. Надеюсь, что издание моей книги «Русское сельскохозяйственное представительство в Америке» (в свете переписки Н.И. Вавилова и Д.Н. Бородина) послужит именно этой цели, и будет представлять определенный интерес, прежде всего, для истории науки, а не для ее профанации. Книга издана к 125-летию Н. И. Вавилова (С.-Петербург, 2012).

В этой книге отражена история создания и деятельности Нью-Йоркского Бюро Отдела прикладной ботаники во время визита Н.И. Вавилова в США в 1921 г. В.И. Пыженков в своей брошюре на эту тему показал себя особенно тенденциозным, субъективным и недобросовестным автором, выхватив из переписки Н.И. Вавилова и Д.Н. Бородина лишь отдельные фрагменты писем последнего, причем такие, которые освещали как бы в неприглядном свете Николая Ивановича. Такая однобокая трактовка этой переписки могла бы иметь какое-то объяснение, если бы не было или были утрачены письма Н.И. Вавилова, о чем я поначалу и подумал. Однако изучение этого вопроса полностью опровергло такую версию. В вавиловском эпистолярном наследстве писем Н.И. Вавилова Д.Н. Бородину оказалось более 40 (Первый том международной переписки за 1921-1927 гг.). Ни одного из этих писем Пыженковым не приведено, отсюда все его рассуждения о Н.И. Вавилове по поводу этой переписки выглядят односторонне, неубедительно, а тенденция очернительской критики особенно навязчивой и недостойной. Примечательно, что именно из-за этой части моей критической оценки стиля и метода писаний Пыженкова, А.В. Журавель особенно мной недоволен.

Полностью солидаризуясь с пыженковской позицией и оценкой действий того и другого он становится на сторону Бородина, не вникнув по-настоящему даже в суть расхождений между ним и Вавиловым. Здесь он даже готов превзойти самого Пыженкова в осуждении вавиловского подхода к интродукции растений в Россию того времени.

С самого начала их сотрудничества действительно возникло определенное непонимание Бородиным того, что хотел в то время от него Вавилов. На первых этапах их сотрудничества вопрос об объемах посылаемых образцов в основном обострялся Д.Н. Бородиным, которому казалось нерентабельным посылать граммы семян вместо тонн и бушелей. Он совершенно не учитывал той бедственной обстановки, в которой находилась тогда российская наука, да и страна в целом. Выделяемые на нее средства были крайне урезанными. Об этом Н.И. Вавилов постоянно писал и напоминал Д.Н. Бородину. К тому же ему для научных целей поначалу и не нужны были тонны, для него было важно, прежде всего, видовое и сортовое разнообразие присылаемого материала. В дальнейшем, когда разрослась и укрепилась сеть опытных станций Института, эти образцы были в должной мере разосланы, размножены и изучены в ходе вавиловской глобальной программы географических посевов. Институт обрел возможность самому посылать русский семенной материал за границу, в том числе в Америку, налаживая нормальный интродукционный обмен. Но это случилось позже, в 1925 г., когда Институт по-настоящему встал на ноги. Именно тогда Вавилов пишет: «Начинаем разбираться в мировой географии сортов. Ваши заветы о работе с пудами не забываем, и думаю через пару лет, если Вы пожелаете к нам, то кое-что будет сделано и в этом отношении». А пока, в начале 20-х годов, на которое выпала организация Нью-Йоркского Бюро, в России было не до науки, надо было выживать, спасать голодающих, и хлебное зерно пудами шло из-за границы в основном по линии благотворительных организаций, в том числе американских (АРА, Джойнт и др.). В организации этой помощи была немалая заслуга лично Н.И. Вавилова, налажившего очень важные контакты с официальными и частными лицами во время своего визита в США в 1921 г.

В этом отношении довольно странным и нелепым выглядит такой пассаж Журавеля: «С точки зрения перспективы, его «теоретический» подход, возможно, дал бы требуемую практическую отдачу, но, судя по американскому опыту, программа Бородина позволяла добиться качественного перелома несколько быстрее. Глава Института прикладной ботаники и новых культур (так первоначально именовался ВИР) должен был, казалось бы, предпочесть путь более практичный и быстрый, но для Вавилова, ставившего во главу угла свои собственные научные интересы, такой подход был неприемлем: из-за этого его могли бы запросто понизить до должности заведующего какого-нибудь отдела истории культурных растений». Последнее утверждение почти в духе Пыженкова, как-то даже неудобно его комментировать. Надо отдавать себе отчет, что стремление Бородина «обсеменить» всю Россию американским семенным материалом было не только в то время нереальным, но и не перспективным. У Вавилова совсем другой взгляд на эту проблему. Америка для него не панацея, хотя и очень важный материк, очаг происхождения многих ценных культурных растений. В то время это было «окно в мир» для русских опытных сельскохозяйственных учреждений. Именно так он рассматривал Нью-Йоркское Бюро. Вместе с тем в поле его зрения, научных ботанических и агрономических интересов уже тогда был весь земной шар. Именно на это он ориентирует Д.Н. Бородина, надеясь на его прямые контакты и связи с известными американскими ботаниками, интродукторами, основательно к тому времени «обшарившими» уже немало мест на нашей планете. Именно в известной ограниченности географических источников интродуцируемого материала источник возникшей неудовлетворенности Н.И. Вавилова работой Д.Н. Бородина. Если тот не доволен ограниченностью веса и объемов высылаемых образцов, то Н.И. Вавилов не удовлетворен не достаточным их количеством и разнообразием форм, известным ограничением мест их происхождения. Это нашло отражение в ряде писем 1923 г.: «О заданиях Бюро с нашей стороны могу сказать

следующее, и не обижайтесь за откровенность: лично меня Нью-Йоркское Бюро перестало удовлетворять, ибо того, что нам решительно нужно для работы, оно не выполняет, Америка у нас представлена сравнительно хорошо и весь интерес наш в настоящее время в Старом Свете...». В это время начинает налаживаться экспедиционная деятельность сотрудников вавилонского института во главе с его директором в разные регионы мира, в том числе в Америку, и роль бородинского учреждения становится не столь необходимой. Само оно в первоначальном его виде просуществовало не более трех лет с октября 1921 г. до мая 1924 г. Далее оно было преобразовано в Сельскохозяйственное Бюро при Наркомземе РСФСР и просуществовало до апреля 1927 г. Таким образом, за эти почти шесть лет, половину срока Д.Н. Бородин не был уже в непосредственном подчинении у Н.И. Вавилова, хотя весьма активно с ним переписывался, делился своими проблемами, домогался его поддержки.

В связи с этим встает также вопрос о характере личных отношений между Н.И. Вавиловым и Д.Н. Бородиным, проявляемом в данной переписке, и соответственно представляющем из нее человеческом образе того и другого. А именно на этом пытается делать акцент В.И. Пыженков в своем маниакальном стремлении «развенчания» великого ученого и замечательного человека. При внимательном и ничем не зашоренном прочтении писем того и другого складывается впечатление совершенно противоположное пыженковскому. Бородин за время своего недолгого заведования Нью-Йоркским, а затем Сельскохозяйственным Бюро, успел нажить себе немало врагов, как в США, так и России. Его неуживчивость, стремление к неограниченной самостоятельности в работе и склонность к коммерческой деятельности сказались, в конечном счете, на весьма коротком сроке и горьком итоге карьеры на этих постах. Инициатива преобразования институтского учреждения в министерское принадлежала ему, хотя Н.И. Вавилов не раз предостерегал его от этого шага и переключения работы Бюро на слишком большой и не совсем ясно очерченный круг обязанностей при довольно ограниченных правах. Но именно на расширении своих прав особенно рассчитывал Д.Н. Бородин, став представителем Наркомзема в Америке. Тут он сильно ошибся, о чем его предупреждал Н.И. Вавилов, терпеливо разясняя ему, что коммерция и сельскохозяйственная наука, включая прикладную ботанику, сферы разные: «Лично у меня большие сомнения о том, что трудно совместить коммерческие задания с заданиями опытных учреждений». Что из этого вышло, видно уже с переписки 1924 г. На этом посту он продержался лишь полгода, как это и предвидел Вавилов, зная неумные устремления Бородина хозяйничать, как ему представляется нужным, совсем не считаясь, насколько это приемлемо для его наркоматовских хозяев и начальников в Москве. Несмотря на это Н.И. Вавилов защищал его, как только мог, и даже на какое-то время добился его восстановления на работе. С ним у Д.Н. Бородина была долгая письменная связь, продолжавшаяся до 1933 г. И это, несмотря на то, что он рассорился почти со всеми своими партнерами и начальниками: «ведь Вы уже знаете, что я со всеми скребусь, кроме Вас, от Вас же могу выслушать самые сильные эпитеты...». Стиль письма обоих очень свободный, раскованный, а со стороны Бородина даже рискованный. Они общаются на равных, и должный пиетет, а иногда и этикет он не соблюдает. Не поэтому ли в одном из писем Н.И. Вавилова есть строки: «Вообще Ваши запросы очень грубы, и на Ваши письма мне иногда не хочется отвечать, да и не только мне одному». Со стороны же Н.И. Вавилова переписка выглядит всегда и во всем очень корректной, откровенной и уважительной.

В своей приверженности взглядам Д.Н. Бородина, а вернее пыженковской их оценке, А.В. Журавель идет еще дальше, беря под защиту одиозных вировский оппонентов Н.И. Вавилова в деле интродукции – А.К. Коля и Г.Н. Шлыкова. Одиозными они являются не потому, что не соглашались с интродукционной политикой своего директора, а потому, что привносили в отношения с ним политику совершенно иного рода, которая в итоге и сгубила Н.И. Вавилова, сделав из него государственного преступника. Достаточно привести лишь выдержку из статьи Коля в газете

«Экономическая жизнь» от 29 января 1931 г. под название «Прикладная ботаника или Ленинское обновление земли?»: «Под прикрытием имени Ленина окрепло и завоевывает гегемонию в нашей с.-х. науке учреждение, насквозь реакционное, не только не имеющее никакого отношения к мыслям и намерениям Ленина, но им классово чуждое и враждебное. Речь идет об Институте растениеводства с.-х. академии им. Ленина». Если это не публичный политический донос, тогда что это? Материалы этой статьи присутствовали в следственном деле Вавилова. Но для А.В. Журавеля это неубедительно: «В этом отношении «свидетельства» лиц ангажированных, вроде М.Поповского и В.Сойфера, стоят немного». Немного для него, очевидно, стоят и воспоминания соратников Н.И. Вавилова, близко его знавших и много лет проработавших в ВИРе, Е.Н Синской, Ф.Х. Бахтеева и др. Они ведь тоже ангажированы и пристрастны, по мнению того же Пыженкова.

Но даже, если отвлечься от политики и личностных характеристик этих «бородинцев», как их называет Журавель, и обратиться к сути расхождений по вопросу интродукции, то и здесь конечная научная и моральная правота Н.И. Вавилова очевидна. Стратегически он был гораздо дальновидней своих «тактических» противников, считавших, что надо заниматься не природным генофондом, а готовым селекционным материалом, интродуцируя лишь зарубежные сорта. Если это и срабатывало, то лишь в конъюнктурном, но не в перспективном плане. Любые сорта требуют эколого–географического испытания, на это необходимо время, и не факт, что многие из них окажутся пригодными к конкретным природным условиям. В этом отношении правильность вавиловской интродукционной стратегии наиболее показательна на такой южно-американской культуре, как картофель. Бородин посылал немало готовых сортов, но ни один из них так и не прижился в России. И лишь после экспедиций С.М. Букасова и С.В. Юзепчука в 1925-1927 гг. в Центральную и Южную Америку а потом и самого Н.И.Вавилова в 1930 и 1932 гг., началась настоящая селекционная революция в картофелеводстве. Вовлечение местных диких и примитивных видов картофеля в гибридизацию с культурным дало совершенно новый и очень эффективный стимул для выведения высоко продуктивных и устойчивых к внешним неблагоприятным факторам отечественных сортов, в американских нужда полностью отпала. Сейчас практически все сорта картофеля имеют межвидовую природу.

Оценивая всю статью А.В. Журавеля, его желание встать как бы над «дракой» ученых (по его терминологии) или противоборством различных подходов к науке, в частности к генетике, которое исторически, как видно, еще себя не совсем изжило, приходится признать, что она не отвечает ни на один из поставленных вопросов, хотя известной самонадеянности в суждениях автору более чем достаёт. Остается непонятным кому же он все-таки отдает предпочтение. Ознакомление с изданным в 2011 г. в серии 100 великих имен текстом «Николай Вавилов», написанный Александром Журавелем, в целом не вызывает больших возражений. Имеется ряд неточностей и ошибок, которые можно было при грамотном редактировании устранить (чего стоит, например, утверждение, что «озимая и яровая пшеница – биологически разные виды, имеющие разные наборы хромосом»). Однако в принципе издание апологетичное, представляющее Н.И. Вавилова таким, каким он того заслуживает. Этого не скажешь о статье в сборнике, ему посвященном. Чем вызвана такая странная метаморфоза с ее автором не вполне ясно. Однако концовка статьи кое-что проясняет. Она явно направлена против современных достижений генетики и их использования в селекции. Они действительно таковы, что и не снились Лысенко и его сторонникам с их стремлением управлять наследственностью путем «воспитания» организмов. Генетика взялась за их активное преобразование, и это многих настораживает и даже пугает. Обсуждение этого вопроса не входит в задачу моей статьи, однако то, что написано по этому поводу А.В. Журавелем к науке никак не относится, тут он переходит на сплошной политический жаргон, а не отказу ли от него при обсуждении научных проблем призывал в своей статье этот автор.

